

Полубайтійскій край

А. Я. Панафидина

Издание
А. Я. Панафидина.

ESTICA

4. 2633.

У КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ
А. Я. Панафидина.

МОСКВА, Покровка, Лажин пер., соб. д., № 11—13.

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Александровъ Н. А.

НАРОДЫ РОССИИ.

Этнографическія

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Вып. I.—Пустыни сѣвера и ихъ ночующіе обитатели.

Иллюстрировано М. Минтшинымъ, А. Шарлеманемъ и др.

Издание 2-е.

Въ первомъ изданіи рекомендуется, какъ необходимое пособіе, Учебнымъ Комитетомъ IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, при преподаваніи географіи Россіи въ старшихъ классахъ институтовъ и женскихъ гимназій, а также въ учительской семинаріи Воспитательнаго дома. Одобрена учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, для библиотекъ гимназій, прогимназій и уѣздныхъ училищъ. Рекомендуется Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, для библиотекъ, мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ. Одобр. Главн. Управлен. военно-учебныхъ заведеній для чтенія воспитанникамъ военныхъ гимназій и прогимназій. М. 1898 г.

Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

Т. II-ой. — Инородцы лѣсовъ Сибири, съ рисун. Вроща. Друг. М. 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к. Оглавленіе: Камчадалы съ Курплыцами, Тунгусы, Амурскіе Тунгусы (Орочане, Манягры, Бирары, Мангуны или Ольчи и Орочи), Гольды и Гиляки, Якуты и Долгане, Вогулы, Сибирскіе Татары и Бухарцы, Алтайскіе Калмыки, и толкователь.

Его-же. Волга. Этнографическіе рассказы для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Въ первомъ изданіи одобрена Мин. Нар. Пр. для употребленія въ низшихъ училищахъ и внесено въ опытъ каталога учебн. библ. среди. уч. зав. Вѣд. Мин. Нар. Пр. и для безвѣстныхъ народныхъ читателей. М. 1898 г. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

Гдѣ на Руси какой народъ живетъ

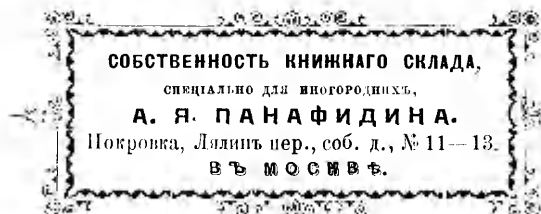
II

ЧѢМЪ ПРОМЫШЛЯЕТЪ.

ПРИБАЛТИЙСКІЙ ИЛИ ОСТЗЕЙСКІЙ КРАЙ.

Эсты, ливы и латыши.

Н. А. Александрова.

МОСКВА.

Тип. И. Я. Полякова. Покровка, Лялинь пер., д. № 13.

1900.

Дозволено цензурою. Москва, 18 августа 1899 года.

Прибалтійскій или Остзейскій край.

ЭСТЫ, ЛИВЫ И ЛАТЫШИ.

Прибалтійскій или Остзейскій край русскіе называютъ нѣмечиною, въ то время, когда тамъ нѣмцы, и то какъ господа, только въ городахъ да въ помѣщечьихъ усадьбахъ, а все население края либо славяне — л а т ы ш и, происходящіе отъ литовцевъ, либо эсты, происходящіе отъ чуди, которая подъ именемъ зырянъ, пермяковъ, вотяковъ и другихъ населяетъ весь сѣверо-западъ Россіи. Населеніе прибалтійскаго края, напротивъ, чуждо нѣмцевъ и питаетъ къ нимъ одну только ненависть.

И вотъ почему.

Балтійское море издавна служило главнымъ путемъ, соединяющимъ Западную Европу съ Востокомъ или Россіей; и къ его гаванямъ явля-

лись купшы изъ Германіи, Польши, Литвы и Россіи съ произведеніями своихъ странъ и вели мѣновую торговлю съ Швеціей, Англіей, Голландіей, Франціей и Испаніей. Вслѣдствіе этого Балтійскимъ краемъ хотѣли владѣть всѣ сосѣднія съ нимъ государства; и всѣ они изъ-за него вели продолжительныя войны, почему край былъ постоянно раззоряемъ и переходилъ изъ рукъ въ руки. Имъ владѣли и русскіе, и поляки, и датчане, и нѣмцы, и шведы, но ни отъ кого такъ не страдало народонаселеніе, какъ отъ нѣмцевъ. Эсты и до сихъ поръ пугаютъ своихъ дѣтей возгласомъ: „нѣмецъ идетъ!“ Эта ненависть зародилась къ нѣмцамъ не какъ къ завоевателямъ, а какъ къ раззорителямъ и поработителямъ народа.

акъ Килевъ.

Нѣмцы вводили христіанство въ краѣ насильно и, когда первое нѣмецкое ополченіе явилось въ землю ливовъ, въ теперешней Лифляндской губерніи, бывшей Лифляндіи, ливы спросили предводителя нѣмцевъ: „зачѣмъ онъ пришелъ“, и послѣ отвѣта: „за тѣмъ, чтобы обратить васъ въ христіанство“, они сказали ему: „ты можешь это сдѣлать безъ войска; привлекай въ него любовью, а не палками.“ Но нѣмцы въ продолженіе шестиста ^{лѣтъ} своего владычества въ прибалтійскомъ краѣ только и дѣйствовали однѣми палками. Сначала они роздали завоеванные земли, такъ называемымъ, рыцарямъ, или вои-

намъ и духовенству, которые и обратили народъ въ полное рабство. Эти войны и духовенство сдѣлались обладателями всей крестьянской собственности, а затѣмъ и самой личности крестьянъ; право неограниченнаго господства надъ личностью и имуществомъ крестьянина вошло въ полную силу. Все, что крестьянинъ пріобрѣталъ, принадлежало помѣщику; все, чѣмъ онъ владѣлъ, было его собственнымъ лишь настолько, насколько допускалъ это помѣщикъ; продать свое произведеніе или купить что-нибудь, даже съѣздить на рынокъ, крестьянинъ могъ только съ разрѣшенія помѣщика. Браки совершались и расторгались по волѣ помѣщика; продажа мужа и жены въ разныя руки и отнятіе дѣтей отъ родителей было явленіями совершенно законными, и въ заключеніе беззаконность дошла до того, что помѣщики присвоили себѣ надъ крестьянами даже право жизни и смерти. Когда крестьяне бѣжали отъ нихъ въ другія страны, бѣглецовъ ловили и отсѣкали имъ руки и ноги. Полный разгулъ и развратъ царили среди воиновъ, помѣщиковъ и духовенства; они давали пиры за пирами; они одѣвались въ шелки, въ бархаты, въ дорогіе мѣха, украшали свои одежды золотомъ, жемчугомъ, драгоценными каменьями; и наряды барынь такъ были тяжелы, что надо удивляться, какъ расфранченныя барыни двигались

въ нихъ. Погребѣ въ замкахъ или усадьбахъ были открыты для прислуги, и кто переспивалъ другихъ, считался лучшимъ слугою; при собираніи-же податей съ крестьянъ господа пиршествовали на счетъ послѣднихъ; и расточительность на пиршествахъ и развратъ доходили до того, что одинъ изъ свидѣтелей того времени отказывается писать объ этомъ, боясь оскорбить читателя.

Послѣ такого нѣмецкаго ига, при владычествѣ поляковъ, польскій король Стефанъ Баторій хотѣлъ было облегчить тяжелую участь крестьянъ, но сдѣлать этого ему не удалось; и только при подчиненіи страны Швеціи, сталъ наступать конецъ всякимъ злодѣйствамъ и варварству. Тутъ заведены были суды, ограничена во всемъ власть помѣщика, отмѣнены наказанія, учреждены учебныя заведенія, переведена на эстонскій языкъ библія; но, когда Петръ Великій завладѣлъ краемъ, то нѣмецкое дворянство снова овладѣло прежними своими правами надъ народомъ, и только съ царствованія Екатерины Великой начались различныя облегченія. Она однимъ указомъ отмѣнила продажу крестьянъ на площадяхъ, другимъ—запретила расторгненіе помѣщиками крестьянскихъ браковъ; при Александрѣ-же I улучшенія въ бытъ крестьянъ шли одно за

другимъ; и наконецъ при Александрѣ II быть крестьянскаго сословія устроень окончательно.

Но шестисотлѣтнее порабощеніе края нѣмцами не могло, конечно, не отразиться не только на благоустройствѣ самого края, но и на нравахъ его обитателей. И эсты, и латыши во многомъ сохранили и до сихъ поръ давнюю первоначальную жизнь; ихъ жизнь не развивалась и не совершенствовалась; она слишкомъ была забита и придавлена. Такъ, жилища эстовъ и понынѣ тѣ-же, что и встарь, та-же скудость во всемъ и то же неряшество и грязь, что у дикарей. Деревянный длинный срубъ, рѣдко когда на каменномъ фундаментѣ, а камня у нихъ много,—покрытъ болѣею частью соломенной крышей и безъ трубы, такъ какъ вмѣсто печки въ одномъ изъ угловъ хижины наложена куча камней и возлѣ въ стѣнѣ прорублено дымовое окно. Вокругъ раскаленныхъ камней, подъ черной крышей, безъ потолка сидитъ обыкновенно толпа эстовъ и эстонокъ съ ползающими тутъ-же по земляному или глиняному и грязному полу полунагихъ ребятишекъ; въ единственномъ котлѣ варится картофель, или жидкая каша изъ крупъ, а не то рыбка—салакушка; по избѣ-же то тамъ, то сямъ расхаживаютъ куры, у корыта съ овсомъ или сѣномъ жуеъ лошадь; а старики, лежа передъ огнемъ,

колятъ лучины, иные-же дѣлають деревянную посуду, плетуть корзины; одна, двѣ женщины прядутъ или ткуть, а лучина коптитъ и дымить, едва освѣщая убогое домашнее имущество, состоящее изъ одного простого стола, да двухъ, трехъ лавокъ съ короткой деревянной кроватью и ларя, гдѣ хранится одежда и весь домашній скарбъ. Подслѣповатые отъ дыма эстонцы съ безцвѣтными глазами, съ выдающимися скулами и съ выбритыми усами и бородой, но съ длинными космами льняныхъ волосъ, ниспадающихъ на плечи изъ подъ мѣховыхъ овчинныхъ или лисьихъ шапокъ-треуховъ, сидятъ и въ своемъ холодномъ жилищѣ въ той-же одеждѣ, что и на улицѣ. Всѣ они въ черныхъ суконныхъ кафтанехъ; и нѣкоторые въ сапогахъ, а иные въ берестовыхъ или кожаныхъ лаптяхъ; у женщинъ-же изъ подъ кафтана виднѣется красная безрукавка и полосатая юбка, а на головахъ у дѣвушекъ платки, изъ подъ которыхъ выбиваются нерасчесанные волосы, а у женщинъ коническіе колпаки, украшенные сзади бантами и лентами. Всѣ смотрятъ мрачно, угрюмо и даже какъ-то боязливо, точно только и думаютъ, что «вотъ, нѣмецъ придетъ»; и въ ихъ тощихъ, слабыхъ, маленькихъ фигуркахъ проглядываетъ одна немощность, вялость и лѣньность. Въ ихъ разговорахъ невольно чувствуется упрямство, хитрость, скрыт-

ность, а также суровость и безчувственность, — на все наложило свою тяжелую печать нѣмецкое рабство и гнетъ. У нихъ нѣтъ ни музыки, ни танцевъ, ни пѣсень; они издревле унаслѣдовали отъ предковъ рассказы про своихъ героевъ, и изъ пѣсень объ этихъ герояхъ сложилась одна большая пѣсня, называемая «Калевала». Въ ней главный дѣйствующій герой—Ванемунень—это богъ пѣнія; и о немъ говорится слѣдующее: «У людей и звѣрей былъ одинъ языкъ. И до сихъ поръ есть люди, которые понимаютъ языкъ звѣрей, и звѣри имъ повинуются. Но языкъ этотъ служилъ для ежедневнаго употребленія, для нужды жизни. Однажды-же всѣ твари были созданы на общій сборъ, чтобы научиться праздничному языку, то есть пѣснямъ,—въ отраду себѣ и для прославленія боговъ. И собралось все, въ чемъ была жизнь и дыханіе, собралось у города Дерпта (нынѣ Юрьевъ), вокругъ соборной горы, гдѣ была священная роща. Вдругъ раздалось въ воздухѣ вѣяніе, умиляющее сердце, и спустился на землю Ванемунень. Онъ раскинулъ свои кудри, оправилъ одежду, разгладилъ бороду и ударилъ по струнамъ. Сперва сыгралъ онъ, а потомъ запѣлъ. Все было въ восторгѣ, а самъ онъ больше всѣхъ. Тишина водворилась въ собраніи: все внимало пѣнію. Рѣка Эмбахъ остановила свое теченіе, вѣтеръ забылъ свою рѣзвость; деревья,

звѣри и птицы напрягли слухъ, и, любящее дразнить эхо, притаилось за лѣсомъ. Но слушавшіе не всѣ равно поняли. Деревья, рощи почувствовали вѣяніе при нисхожденіи бога, и если, идя по рощѣ, услышите вы шумъ, то, знайте, что божество недалеко отъ васъ. Эмбахъ вслушался въ шелестъ его одежды, и весною, когда празднуетъ онъ возвратъ юности, журчаніемъ своимъ старается подражать этому шелесту. Вѣтеръ поймалъ на свою долю самые рѣдкіе звуки; изъ звѣрей же однихъ поразилъ скрипъ колковъ, а другихъ звонъ струнъ. Пѣвчія птицы, особенно соловей и жаворонокъ, переняли музыку. Всѣхъ меньше досталось рыбамъ: высунувъ изъ воды головы свои лишь по уши, онѣ видѣли только движеніе устъ Ванемунена и научились подражать имъ, но остались нѣмы. Только человѣкъ понялъ все: оттого и пѣсни его доходили до глубины души и до жилища боговъ».

Есть у эстовъ и новыя пѣсни, но онѣ болѣе шуточные, и не представляютъ ничего интереснаго. Да среди эстонцевъ, какъ мы уже сказали, совсѣмъ почти и не слышно пѣсенъ, несмотря на окружающую ихъ красивую природу,—на горы, покрытыя дремучими зелеными лѣсами, на свѣтлыя голубыя озера и рѣки, окаймляющія эти горы, на вѣчно бушующее безбрежное море и на полную всякаго рода невзго-

дами ихъ жизнь. Они и тутъ точно подавлены шестисотлѣтнимъ ярмомъ до безмолвія и безчувствія. И у эстонцевъ нѣтъ ни шумныхъ празднествъ, ни веселыхъ обрядовъ. Самымъ веселымъ праздникомъ считается время жатвы, а самымъ веселымъ, и шумнымъ изъ обрядовъ можно назвать свадьбу, при которой сохранилось еще много языческаго. Но, какъ праздникъ такъ и свадьба отличаются болѣе всего непомѣрнымъ пьянствомъ, до котораго, надо замѣтить, эстонцы весьма большіе охотники, и которое какъ-бы развязываетъ имъ языкъ и отводитъ душу. Пьяный эстонецъ и шумливъ, и говорливъ. Свадьба и начинается, и кончается попойками. Тутъ уже играетъ главную роль не ихъ обыденный и излюбленный напитокъ—квасъ изъ ячменя съ хмѣлемъ, называемый тааръ, а одна водка да пиво. Женихъ или сваты являются въ домъ невѣсты съ водкой, и когда родители невѣсты выпьютъ по стакану,—это обозначаетъ согласіе, а, когда выпьетъ и невѣста стаканъ,—это обозначаетъ и ея согласіе; послѣ чего слѣдуютъ подарки, а затѣмъ совершеніе брака по правиламъ лютеранской церкви, а черезъ три недѣли начинается такое пьянство, которое нѣкоторыхъ доводитъ до окончательнаго раззоренія и иной крестьянинъ въ нѣсколько дней расточаетъ всѣ свои сбереженія, и изъ зажиточнаго

превращается въ бѣдствующаго и нуждающагося. Попойки и пиршества сперва устраиваются въ домѣ родителей молодой, и продолжаются дня три, четыре безостановочно, а потомъ дня три, четыре и въ домѣ молодыхъ. Тутъ уже на столѣ не одна каша, салака да картофель и кислая капуста, но какъ лакомства и селедка, и свинина, и пироги, яйца, сыръ, а водка не только не сходитъ со стола, но безъ нея и шагу, какъ говорится, никто не ступить. Ыдетъ молодой въ домъ родителей жены, и сопровождающіе его пьютъ водку, а музыкантъ играетъ на волынкѣ (дудкѣ); причемъ у дома родителей сопровождающіе стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ и пьютъ, а мать молодой и старухи, встрѣчающія молодого на крыльцѣ, поютъ дребезжащими голосами привѣтствіе; за столомъ-же на пиршествѣ постоянно слышется: «попробуйте; это не горько, а сладко», а молодой, уходя спать, ломаетъ ложки свою и жены, и опять-таки при этомъ не безъ того, чтобы не выпить. Когда-же настаютъ пиршества въ домѣ молодыхъ, тогда молодая уже ѣдетъ въ домъ мужа въ сопровожденіи родственниковъ и музыканта, а за ними слѣдуетъ молодой съ боченкомъ водки и пива. Тутъ опять при каждомъ обрядѣ пьютъ и говорятъ: «попробуйте; это не горько, а сладко»; по окончаніи-же всѣхъ пиршествъ молодая одѣ-

ляетъ гостей чулками, рубахами, полотенцами, ради приготовленія которыхъ она работала до замужества долгіе годы и ночи.

Послѣ пиршествъ молодая выметаетъ избу, и принимается, какъ хозяйка, за хозяйство. Хозяйство ея состоитъ изъ огорода, домашней птицы и скота; то есть коровы и овецъ; такъ какъ за лошадыю эстонцевъ ухаживаетъ самъ и бережетъ ее пуще глаза.

Эстонскія лошади давно уже въ славѣ, и еще Петръ Великій, покоривши Эстляндію, обратилъ вниманіе на ихъ породистость, и по его повелѣнію для улучшенія породы Вятской и Пермской губерній были отправлены туда изъ Эстляндіи большіе табуны, отъ которыхъ и произошли знаменитыя лошади вятки и обвинки.

Главная однако производительность прибалтійскаго края, еще издревле до прихода нѣмцевъ, былъ хлѣбъ, и прибалтійскій край считался въ одно время житницею Швеціи. Хлѣбопашество у эстонцевъ и теперь стоитъ на высокой степени совершенства, благодаря ихъ заботливости о землѣ и уходу за хлѣбомъ; то есть, благодаря осушенію болотъ и орошенію полей, а также плугу и сельскохозяйственнымъ машинамъ. Первое мѣсто занимаетъ рожь, которая гораздо доброкачественнѣе заграничной и нашихъ внутреннихъ губерній; за нею слѣдуетъ ихъ лю-

бимый хлѣбъ—ячмень. Онъ выгоденъ для эстонцевъ въ томъ отношеніи, что почти не подвергается неурожаю и служить подспорьемъ для винокуренья. Самый лучший сортъ ячменя считается эзельскій, который и вывозится за границу. Кое-гдѣ разводится также пшеница; для домашняго же употребленія сѣется овесъ и въ незначительномъ количествѣ гречиха. Но кромѣ этихъ хлѣбныхъ зеренъ, весьма важными продуктами производительности прибалтійскаго края служатъ картофель и ленъ. Картофель не только разводится, какъ овощъ въ огородахъ, но и сѣется на поляхъ; и хороший хозяинъ съ каждымъ годомъ увеличиваетъ его разведеніе; такъ какъ онъ не требуетъ тучной почвы и особаго за нимъ ухода. Разведеніе льна приняло громадныя размѣры, вслѣдствіи хорошихъ на него цѣнъ за границу; но это явленіе временное.

Кромѣ рыболовства эсты занимаются: лѣсоводствомъ, охотой и рыбнымъ промысломъ. Лѣсоводствомъ занимаются по преимуществу въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть возможность сплавлять лѣсъ по рѣкамъ въ какой-нибудь приморскій портъ для продажи за границу. Въ послѣднее время больше всего, и съ большимъ успѣхомъ стали заниматься добываніемъ торфа. Охота въ лѣсахъ,—это самое древнее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и любимѣйшее

занятіе эста. На охоту они собираются партіями въ свободное отъ работъ время; и, настрѣлявши въ лѣсахъ всякой дичи, набираютъ тутъ-же въ большомъ количествѣ и ягодъ, и грибовъ, и орѣховъ. Рыболовство, какъ промыслъ, является по берегамъ большихъ рѣкъ и озеръ, гдѣ водятся миноги, налимы, ряпушка, корюшка, снѣтки, особенно славятся снѣтки Чудскаго озера, и много другихъ мелкихъ рыбъ. Но главный рыболовный промыслъ,—это берега Балтійскаго моря, которые унизаны рядами рыбачьихъ хижинъ, обнесенныхъ заборами съ развѣшанными на нихъ сѣтями и съ валяющимися повсюду возлѣ хижинъ и на берегу веслами, рулями и челноками. Лодочки и днемъ, и ночью цѣлыми флотиліями носятъ по морю верстъ за двадцать отъ берега съ горящими на нихъ кострами для привлеченія ночью рыбы, и рыбаки ловятъ въ изобиліи угрей, миногъ, кильку, камбалу, а главнымъ образомъ салакушку, которая сбывается, также какъ и кильки, во внутреннюю Россію и приноситъ порядочный доходъ. Послѣ кильки и салакушки обильный промыслъ даетъ и камбала, но эстонцы не умѣютъ еще ее хорошо готовить и поэтому она далеко не расходуется въ томъ количествѣ, въ которомъ-бы могла по своему жирному мясу и нѣжному вкусу.

Приморскіе рыбаки эсты и по наружности, и

по образу жизни, во многомъ отличаются отъ своихъ собратьевъ хлѣбопашцевъ. Они красивѣе, стройнѣе, выше ростомъ и болѣе походятъ на эстовъ, живущихъ на островахъ Балтійскаго моря, — Эзелѣ, Даго и другихъ, которые въ прежніи времена служили притономъ ихъ разбойническихъ шаекъ. Эти островитяне извѣстны тогда были, какъ неустрашимые морскіе пираты. Теперь они также занимаются рыболовствомъ и по внѣшнему виду болѣе походятъ на шведовъ, которыхъ послѣ ихъ владычества, осталось между эстами весьма много. Костюмы эстовъ-островитянъ схожи со шведскими, а женскіе наряды и украшенія, особенно головные уборы, такъ разнообразны, что на островѣ Эзелѣ чуть не каждый приходъ щеголяетъ своимъ особымъ нарядомъ.

Съ этими-же островитянами весьма сходенъ и другой остзейскій народъ — ливы, которые въ прежніи времена занимали всю Курляндскую губернію и большую часть Лифляндской губерніи, но, изгнанные латышами, они кое-гдѣ съ ними смѣшались и превратились въ латышей; весьма же немногіе, въ количествѣ двухъ тысячъ душъ, заселяютъ теперь только маленькую узкую полосу въ Курляндской губерніи на разстояніи шестидесяти верстъ Балтійскаго побережья.

Ихъ жилища, и образъ жизни совершенно сходны съ эстонскими, и по своимъ внутреннимъ каче-

ствамъ и по характеру они тѣ же эсты-островитяне. Они отличаются тѣмъ, что не только мужчины, но и женщины, и дѣвушки прекрасныя морячки, и, занимаясь всѣ безъ исключенія рыболовствомъ, они привыкли ко всѣмъ опасностямъ моря. Предпріимчивые и отважные они пускаются на своихъ одномачтовыхъ небольшихъ судахъ въ дальнее плаваніе и доходятъ съ рыбою до Петербурга. Ихъ одежда состоитъ изъ куртки съ стоячимъ воротникомъ и длиннаго суконнаго кафтана, сшитаго на подобіе эстонскаго; а у женщинъ изъ кафтана съ длинной таліей и полосатой юбки. Они также, какъ и эсты, живутъ бѣдно и неряшливо въ дымныхъ хижинахъ, освѣщаемыхъ лучиною, и также по характеру упрямы, мстительны и любятъ пьянствовать. Кромѣ однако и этихъ недостатковъ морская безшабашная жизнь развила въ нихъ и много другихъ пороковъ, изъ которыхъ выдающимися надо назвать воровство и грабежъ морскихъ судовъ, которыя претерпѣвали крушенія.

Несмотря однако на всю ихъ предпріимчивость, храбрость и отвагу, кроткіе, добродушные латыши не только покорили ихъ, но и совсѣмъ какъ-бы уничтожили. Даже и оставшіеся двѣ тысячи ливовъ теперь олатышиваются, — они исполняютъ всѣ религіозные обряды на латышскомъ языкѣ, не зная на своемъ языкѣ ни одной мо-

литвы, читають и пишутъ тоже по-латышски, перенимають многое отъ латышей и въ образѣ жизни, и въ одеждѣ, и, видимо, недалеко то время, когда они будутъ и говорить по-латышски, и забудутъ свой языкъ, слившись съ латышами также, какъ слились уже давно всѣ остальные ливы.

Латыши при всемъ ихъ добродушіи, и незлобливости оттѣснили также и эстовъ отъ ихъ прежнихъ земель, но, воюя противъ эстовъ и направивъ затѣмъ противъ нихъ нѣмцевъ, они и въ свою очередь попали нѣмцамъ въ руки, и выдержали отъ нихъ тотъ-же шестисотлѣтній гнетъ. Вслѣдствіе этого и они теперь живутъ также, какъ жили въ старину; ихъ жизнь была таже, что эстовъ, о чемъ мы уже упоминали, — она не развивалась и не совершенствовалась. Они только по своему веселому и миролюбивому нраву, легче переносили нѣмецкій гнетъ, онъ меньше отразился на ихъ незлобливомъ характерѣ, въ которомъ явилась только скромность, низкопоклонство и боязнь, отчего эсты и зовутъ ихъ трусами, но они тоже ненавидятъ нѣмцевъ и даже въ пѣсняхъ поютъ:

«О, Боже, куда мнѣ дѣваться!
Лѣса наполнены волками да медвѣдями,
Лѣса наполнены волками да медвѣдями,
Поля наполнены господами...»

Другая пѣсня:

«Боже, накажи отца,
Накажи и мать мою,
Которая дала мнѣ вырасти
Въ этой невольничьей землѣ.»

И эта неволя, или нѣмецкое крѣпостное право довели ихъ до многихъ пороковъ: они стали пьянствовать, чего прежде не было, они перестали считать воровство тяжкимъ преступленіемъ и признають его таковымъ только по отношенію имущества крестьянъ; они, принявъ давнымъ давно лютеранское вѣроисповѣданіе, весьма мало религіозны, — въ ихъ избахъ вы увидите гдѣ-нибудь одинъ только закоптѣлый крестъ съ распятіемъ, въ ихъ обрядахъ осталось много языческаго, и они крайне суевѣрны. У нихъ только два праздника въ году: Ивановъ день, который приходится во время языческаго праздника Лиги, — бога любви и радости, совершавшагося во время лѣтняго солнцестоянія, и Рождество, которое тоже совпадаетъ съ языческимъ праздникомъ зимняго солнцестоянія.

Праздники, какъ и всѣ свои обряды, они справляютъ весело, шумно, да и живутъ они вообще далеко не такъ угрюмо и скучно, какъ эсты. Если въ прибалтійскомъ краѣ, въ губерніяхъ Курляндской и Лифляндской, вы услышите на поляхъ и въ деревняхъ пѣсни, и увидите танцы, то значитъ вы находитесь среди латышей. Подъ вечеръ, при возвращеніи съ полевыхъ работъ, раздаются хоровыя пѣсни то тамъ, то сямъ по пригоркамъ и хуторамъ. Дѣвушки, разукрасивъ себя полевыми цвѣтами, чтобъ латыши весьма любятъ, идутъ и поютъ:

«Береза, березонька моя,
Кто тебя опечалилъ?
Холодный-ли сѣверный вѣтеръ?
Или рука жестокаго мороза
Оцѣпѣнила твои листьѣ?
Не сердито-ли потокъ воды
Размылъ подъ твоими корнями
Опору матери—сырой земли?
— Не морозъ меня оцѣпѣнилъ,
Не вода меня одолѣла:
Пришли, одолѣли басурманы,
Сгибая и ломая мои сучья,
Притоптали, уничтожили
Зелену траву въ березовой рощѣ.
Каждое утро красное солнышко
Всходитъ печально, грустно.»

Но большею частью они поютъ короткія пѣсни; и обыкновенно одна дѣвушка, называемая вѣщательницей, иропоетъ первыя двѣ строки, а хоръ протяжно и полнымъ голосомъ подхватываетъ послѣдующія строки. И въ одномъ мѣстѣ слышится одна пѣсня, въ другомъ другая, точно дружки соперничаютъ съ дружками; но не переиѣтъ имъ всѣхъ своихъ пѣсенъ, какъ о томъ и сами они поютъ:

«Кто можетъ пропѣть всѣ пѣсни?
Кто можетъ проговорить всѣ рѣчи?
Нельзя-же перейти черезъ быстрый ручей,
Не перекинувъ перекладины.»

Долго по вечерамъ послѣ работъ раздаются пѣсни за пѣснями, пока не настанетъ пора сна. Но въ Ивановъ день поютъ отъ зари до зари, всю ночь напролетъ, и тутъ веселью, шуму, пляскамъ и пѣснямъ нѣтъ конца. Разряженные дѣвушки, женщины, а также и мужчины гуляютъ тутъ, какъ никогда въ году. Еще наканунѣ Иванова дня, убравшись по хозяйству, женщины и дѣвушки выходятъ кучками изъ всѣхъ дворовъ и идутъ по полямъ и садамъ собирать цвѣты, и травы; такъ какъ собранные въ этотъ день цвѣты и травы, по ихъ суевѣрному взгляду, весьма цѣлебны и полезны для животныхъ. Дѣвушки

съ пѣснями обходить всѣ поля, приглашая самого Ивана такой пѣсней:

«Черезъ годъ приходитъ Иванъ
Навѣститъ своихъ дѣтушекъ.
Что они ѣдятъ, что пьютъ,
Чѣмъ засѣвають поля.
Возьми, Иванъ, воронаго коня,
Обѣзжай мою ниву,
Вытопчи плевелы и куколь,
Пускай растетъ чистая рожь.»

Съ большими пучками набранныхъ травъ и цвѣтовъ сходятся потомъ всѣ на возвышенныхъ мѣстахъ у разведенныхъ костровъ или зажженныхъ смоляныхъ бочекъ, и тамъ поютъ, танцуютъ, веселятся всю ночь, а, возвратясь домой, гадаютъ о судьбѣ. Кто воткнетъ въ стѣну цвѣтокъ, и, если цвѣтокъ за ночь завянетъ, стало-быть въ этомъ году тому умереть; иная дѣвушка умоется и не утираясь ложится спать, полагая, что кто во снѣ подастъ ей полотенце, тотъ и суженый. Въ самый-же Ивановъ день и пиршествуютъ, и веселятся съ утра. Въ одной избѣ латыши собрались уже за столомъ и, кромѣ обыкновеннаго ихъ супа—скабспутеръ, изъ кислаго молока съ ячменной крупой, тутъ и капуста, и горохъ, и картофель, а также селедка, иногда же мясо, но непременно, какъ самое сладкое

блюдо, сыръ, который производится латышами въ большомъ количествѣ и который весьма вку~~у~~сенъ, чего никакъ нельзя сказать о самой главной пищѣ — о хлѣбѣ, изобилующемъ у латышей мякиной, неразмолотыми зернами, а иногда смѣшанный съ папоротникомъ и мхомъ. По двора~~мъ~~ и у воротъ стоятъ латыши съ фаянсовыми трубками, а иные раздобылись и дешевыми русскими сигарками, и, разговаривая, не выпускаютъ изъ рта цѣлый день ни того, ни другого. Всѣ они, противоположно сумрачнымъ эстамъ, одѣ~~в~~ающимся, какъ мы знаемъ, во все черное, облечены во все бѣлое или свѣтло-сѣрое. Суконные бѣлые кафтаны безъ воротниковъ съ длинной таліей и со множествомъ складокъ, опоясаны цвѣтными поясами и застегнуты не пуговицами, а шнурками и петлями, такъ что у шеи кафтаны совершенно открыты, и изъ подъ нихъ виднѣется расшитый, узорчатый воротъ рубашки съ мѣдными или серебряными застежками. Ноги, либо въ длинныхъ сапогахъ, либо-же въ берестовыхъ лаптяхъ, или кожаныхъ пастолахъ (ба~~ш~~макахъ), причемъ до колѣнъ онѣ обернуты или платками, или онучами. Шляпы у парней разукрашены живыми цвѣтами; у женщинъ на головахъ особыя маленькія шапочки, а у дѣвушекъ вѣнки изъ цвѣтовъ, которые зимой замѣняются вѣнками изъ бисера и блесокъ съ красными

вьющимися позади лентами. Латыши питаютъ особенную склонность къ цвѣтамъ; и дѣвушки-латышки такъ любятъ ихъ, что цвѣты разводятся даже у самыхъ бѣдныхъ хижинъ. Одежды у женщинъ все также бѣлая, какъ и у мужчинъ, кромѣ полосатыхъ и разноцвѣтныхъ юбокъ; но одежда ихъ незатѣйливая, — платье безъ рукавовъ, замѣненныхъ бѣлыми рукавами рубашки, поясъ сдѣланъ изъ мѣдныхъ колецъ, башмаки и лапти тѣ же, что и мужчинъ и ноги также обернуты до колѣнъ въ голубые платки или онучи; но что въ нарядѣ представляетъ собою нѣкоторую особенность, — это большею частью бѣлые, а иногда и цвѣтистые платки съ бахромой, которые носятъ раскинутыми поверхъ всего костюма, и, покрывая почти всю фигуру во весь ростъ, застегиваются на груди большими серебряными бляхами.

Танцы, музыка, пѣніе не прерываются во весь Ивановъ день, и то на полянѣ, то возлѣ лѣса или у избы слышится волюнка (дудка), или особаго рода шестиструнная балалайка (кочкле), и высокіе, но плоскогрудые и узкоплечіи латыши, большею частью безъ бородъ и усовъ, а бритые, но съ длинными развивающимися свѣтлыми волосами, незакрывающими ушей, тихо и медленно танцуютъ или народный танецъ с и г о въ двѣ пары, или к и к е х т ъ, гдѣ женщины становятся по одну

сторону, а мужчины по другую, и пара за парой съ пѣніемъ выступаютъ посерединѣ одна за другой. При этомъ двигаются у нихъ только ноги, корпусъ-же остается безъ всякихъ тѣлодвиженій, а длинныя шеи выставляются еще длиннѣй; сѣрые-же безцвѣтные глаза и крупныя черты лица, не просвѣтляются ни улыбкой, ни увлеченіемъ. Подъ вечеръ, возвращаясь домой, гуляющіе поютъ:

«Добрый вечеръ, Иванова матушка,
Ждала-ли ты насъ?
Сладкаго пива наварила-ли?
Мягкаго сыра приготовила-ли?»

И каждая хозяйка обязана угостить гуляющихъ и масломъ, и сыромъ, и пивомъ. По окончаніи-же угощенія всѣ благодарятъ хозяевъ припѣвомъ:

«Съ Богомъ приходимъ,
Съ Богомъ уходимъ,
Съ Богомъ пусть пребываетъ
Благословеніе на этой избѣ!
Осѣни, Боже, то мѣсто,
Гдѣ мы пили, гдѣ ѣли;
Уроди, Боже, два колоса
На одномъ стеблѣ.»

Рождество справляется не такъ шумно, но зато оно продолжается нѣсколько дней и въ это

время большею частью бываютъ свадьбы. На Рождество также много пьютъ, поютъ, танцуютъ, но все это уже по избамъ, гдѣ и погрѣться-то у латыша, какъ слѣдуетъ, нельзя. Печь у него не въ избѣ, а въ сѣняхъ, а въ избу выходитъ лежанка, на которой усаживаются старики да старухи и проводятъ вечера въ томъ, что разгадываютъ загадки и гадаютъ. Они до этого большіе охотники, и въ старину гаданія были у нихъ въ большомъ почтеніи. Была даже такая священная кобыла, отъ которой зависѣло рѣшеніе или отмѣна всякаго предпріятія: выставить она правую ногу — предпріятіе будетъ счастливое лѣвую — нѣтъ. Въ Рождество теперь, какъ и въ Ивановъ день, гадаютъ больше всего дѣвушки, старухи-же пробавляются загадками. — «Отгадай моего загадчика? кто это?» — спрашиваетъ одна старуха другую; — «Языкъ во рту», — отвѣчаетъ другая. — «А вотъ отгадай, что я скажу: Переруби мою шейку, разруби мою головушку, свари ее со свининою, прибавь и жиру хорошую долю, — въ святки не будешь отплевываться.» — «Капуста», — отвѣчаютъ всѣ старухи разомъ. Но тутъ и старики выступаютъ съ загадками. — «Отгадайте, бабы, вотъ что: Желѣзный отецъ, деревянная мать, крошечныя дѣтки — кровопійцы». Бабы замолкли, а догадливый парень говоритъ: — «ружье», и тутъ-же, обращаясь къ дѣвушкамъ,

спрашиваетъ: «въ каждомъ хуторѣ одна безстыдница» — кто это? Дѣвушки съ хохотомъ отвѣчаютъ — «бани»; и тутъ-же занѣваютъ:

«Вечеромъ, дѣвушки, такъ прекрасно,
Вечеромъ весело намъ ликовать;
Вечеромъ пѣсня далеко раздается;
Вечеромъ примемся весело пѣть.»

И водятъ хороводъ съ пѣснями по избѣ, которые всегда у латышей просторныя, такъ какъ въ избѣ только и есть, что столъ да лавки, а для храненія всякаго домашняго скарба есть у нихъ клѣтушки, амбарчики, какъ и для всякаго домашняго животнаго разныя клѣти и сарайчики.

Пѣсни у латышей точно въ Малороссіи, поются каждый вечеръ, и пѣснями сопровождаются родины, крестины, свадьбы и даже похороны, при которыхъ женщины оплакиваютъ въ своихъ похоронныхъ пѣсняхъ покойниковъ. На свадьбахъ-же для пѣсенъ, какъ и на водку, то же раздолье, что и въ Ивановъ день, и свадьбы также сопровождаются разными языческими обрядами. Свадебныя пиршества тянутся долго; и тутъ гостепріимству нѣтъ предѣла,—кто не пришель, всѣмъ почетъ и мѣсто. Передъ свадьбой бываетъ, конечно, сватовство, а затѣмъ слѣдуетъ обрученіе, на которомъ сосватанные подаютъ черезъ хлѣбъ другъ другу руки и съѣ-

даютъ по кусочку этого хлѣба; послѣ-же вѣнца родственники, возвратясь съ молодыми домой, чертятъ на каждой двери кресты для отогнанія злого духа, а послѣ пиршества стряпухи собираютъ съ гостей за угощеніе деньги въ котелокъ; молодой-же кладутъ деньги на тарелку, а она раздаетъ всѣмъ подарки. Эти подарки состоятъ главнымъ образомъ изъ рукавицъ; такъ какъ рукавицы играютъ у латышей весьма важную роль, и безъ нихъ никогда никто не обходится; затѣмъ даритъ она полотенца и покрывала, надъ чѣмъ работала дѣвушка съ той поры, какъ только пришла въ возрастъ.

Латыши, какъ въ старину, такъ и теперь любятъ выдавать своихъ дѣвушекъ, а также и женятся на русскихъ и литовкахъ. У нихъ и въ нѣснѣ поется:

«Русскому я даю свою сестрицу,
А самъ беру себѣ литвинку,
Хожу я къ русскимъ, хожу къ литовцамъ,
Вездѣ мнѣ зятя—родня».

Къ русскимъ, какъ литовцы, такъ равно и эсты, давно еще чувствовали влеченіе, и эсты въ старину называли русскихъ венеланами, то есть союзниками собратьями. Къ нѣмцамъ-же хотя и сглаживается мало-по-малу ненависть, но, чувствуя теперь свою свободу и независимость

отъ нихъ, и эсты, и латыши не скрываютъ уже того, что они эсты или латыши, не говорятъ, какъ прежде: «мы нѣмцы», а напротивъ ~~и~~ ^иуждаются этой клички, и вездѣ во всемъ стараются показать, что они не нѣмцы, а латыши и эсты, выдвинуть впередъ свое собственное эстонское и латышское. У нихъ теперь и разныя общества, и торговая или промышленная компаніи, а также книги, газеты, — все свое латышское и эстонское. Край отдохнулъ, приободрился, и теперь рѣдко гдѣ избы безъ трубъ, рѣдко крытая соломой, все больше гонтомъ; хозяйства-же стали обширныя, благоустроенныя, лѣсной промыселъ, за непомѣрнымъ истребленіемъ лѣсовъ, хотя и оскудѣлъ, но хлѣбопашество за то и разведеніе льна дошло у литовцевъ до обильныхъ размѣровъ. Латыши настолько прекрасные сельскіе хозяева, что ихъ охотно берутъ повсюду управляющими въ наши внутреннія губерніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что при томъ положеніи, въ которомъ обрѣтается прибалтійскій край, находясь бокъ-о-бокъ съ европейскими государствами и обладая прекрасными гаванями на балтійскомъ побережьи, онъ въ скоромъ времени достигнетъ и того общаго совершенства въ своемъ развитіи и въ своихъ дѣлахъ, до котораго дошла Европа.

У КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ
А. Я. Панафидина.

МОСКВА, Покровка, Даминъ пер., соб. д., № 11—13.

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Александровъ Н. А.

НАРОДЫ РОССИИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Вып. I.—Пустыни сѣвера и ихъ кочующіе обитатели.

Иллюстрировано М. Минтшинымъ, А. Шарлеманемъ и др

Изданіе 2-е.

Въ первомъ изданіи рекомендуется, какъ необходимое пособіе, Учебнымъ Комитетомъ IV отдѣленія Собственной Ег. Императорскаго Величества Канцеляріи, при грешоданіи географіи Россіи въ старшихъ классахъ институтовъ и женскихъ гимназій, а также въ учительской семинаріи Воспитательнаго дома. Одобрена учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, для библіотекъ гимназій, прогимназій и уѣздныхъ училищъ. Рекомендуется Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, для библіотекъ, мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ. Одобр. Главн. Управлен. военно-учебныхъ заведеній для чтенія воспитанникамъ военныхъ гимназій и прогимназій. М. 1898 г.

Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

Тоже. Вып. II-ой. — Инородцы лѣсовъ Сибирь, съ рисун. Борожа и друг. М. 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к. Оглавленіе: Камчадалы съ Курильцами, Тунгусы, Амурскіе Тунгусы (Орочане, Маяягры, Бирары, Мангуны или Ольчи и Орочи), Гольды и Гиляки, Якуты и Долганы, Вогулы, Сибирскіе Татары и Бухарцы, Алтайскіе Калмыки, и толкователь.

Его-же. Волга. Этнографическіе разсказы для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Въ первомъ изданіи одобрена Мин. Пар. Пр. для употребленія въ низшихъ училищахъ и внесено въ опытъ каталога ученич. библ. средн. уч. зав. Въд. Мин. Пар. Пр. и для бесплатныхъ народныхъ чталенъ. М. 1898 г. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

М. Н. Пр. допущенъ въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учеб. заведеній и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

Ея же. Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Съ портр. Ломоносова. М., 1897 г., ц. 10 к.

М. Н. Пр. допущено въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Ея же. Страна восходящаго солнца (Японія) М. 1898 г. ц. 15 к. Съ картинкой на обложкѣ.

Кольцовъ, А. В. Стихотворенія, съ двумя статьями о немъ П. Смирновскаго. Съ портретомъ Кольцова. М. 1897 г., цѣна 20 к. Допущено въ ученическія библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Богданъ Шипкинъ. Рассказъ для юношества М. 1899 г. ц. 20 к.

— **Бродяжки.** Рассказъ для юношества М. 1899 г. ц. 20 к.

— **Глупый Федька.** Рассказъ для юношества. М. 1899 г., ц. 20 к. Каждая книжка съ картинкой на обложкѣ соответствующая тексту.

Хитлева, О. Н. Каменные пасынки каменной мачехи. (Очерки Финляндии). М. 1898 г., ц. 15 к. Съ 2-ми картинками на обложкѣ.

Одобрено для училищъ среднего возраста, библіотекъ всѣхъ средн. учебн. зав. мужскихъ и женскихъ и для библіотекъ городскихъ училищъ и учительск. семинарій.

Ея же. Правда объ Уссурійскомъ краѣ и его обитателяхъ. Подъ редакціей бывшаго агронома при Приамурскомъ Генераль-Губернаторѣ Н. А. Крюкова. Москва, 1899 г. ц. 25 к. Съ картинкой на обложкѣ.

Шелонскій, Н. Владѣнія русскаго Царя. Гдѣ живетъ русскій народъ. Съ картой Европейской и Азіатской Россіи. П. 20 к.

Его же. Уральскія горы и какъ онѣ раздѣляются. М., 1898 г., ц. 10 к. Съ картинкой на обложкѣ.

Его же. Императоръ Николай I, черты и анекдоты изъ его жизни. Съ портретомъ Императ. Николая I. М., 1897 г., ц. 15 к.

Его же. Амурскій край и рѣка Амуръ. (Привольныя мѣста Русской земли). М., 1897 г., ц. 10 к. Съ картинкой на обложкѣ.

М. Н. Пр. допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библ. и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Его же. Золотая Сибирь. Что такое золото и гдѣ его добываютъ. М., 1898 г., ц. 10 к. Съ картинкой на обложкѣ.

М. Н. Пр. допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народ. библ. и читальни и для народ. публичн. чтеній.

Александровъ Н.

ГДѢ НА РУСИ КАКОЙ НАРОДЪ ЖИВЕТЪ И ЧѢМЪ ПРОМЫШЛЯЕТЪ.

Чтеніе 1-е. Самоѣды, Лопари, Зыряне и Поморы. М. 1897 г. ц. 10 к.

* Чтеніе 2-е. Жители лѣсной полосы. М. 1897 г. ц. 10 к.

Чтеніе 3-е. Новороссія (Богатыя степи). М. 1898 г. ц. 10 к.

* Чтеніе 4-е. Малороссія (Благодатный край). М. 1898 г. ц. 10 к.

* Чтеніе 5-е. Крымъ (Жемчужина Россіи), съ 2-мя рисунками въ текстѣ. М. 1898 г. ц. 10 к.

* М. Н. Пр. допущены въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народн. бібліотеки и читальни, и для публичныхъ народн. чтеній.

Чтеніе 6-е. Казаки (Черноморцы и Терцы). М. 1899 г., ц. 10 к.

Чтеніе 7-е. Казаки (Донцы и Уральцы). М. 1899 г., ц. 15 к.

Чтеніе 8-е. Камчадалы и Курильцы. (Завоеваніе Камчатки и Курильскихъ острововъ). М., 1899 г., ц. 15 к.

Каждая книжка съ картинкою на обложкѣ соответствующей тексту.

Волжинскій. Замѣчательные люди. Біографія: Ломоносова, Кулибина, Власова, Слѣпушкина, Кольцова, Ермака Тимофеева, Меншикова, Потемкина, Сперанскаго, Суворова, Минина, Пожарскаго и Сусанина, ц. 20 к.

Его же. Полезное чтеніе для грамотнаго простолюдина, ц. 20 к. Съ картинкой на обложкѣ.

Дюфренъ, І. Руководство къ изученію шахматной игры для начинающихъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ указаніемъ на рисункахъ разстановки и др. ходовъ шахматъ. М., 1897 г., ц. 50 к.

Ключъ къ русскимъ упражненіямъ учебника нѣмецкаго языка **Ивана Аллендорфа, ч. I. и II.** Составленъ по послѣднему изданію М. 1899 г., ц. по 15 коп. кажд. часть.

— Къ полному курсу французскаго языка **А. Шалланда**, по послѣднему изданію. Съ прибавленіемъ перевода статей съ французскаго языка на русскій и обратно. Ч. I-я. М. 1898 г., ц. 20 к.

— **Тоже, ч. II.** М. 1899 г. ц. 35 к.

Колокольникова, В. Кавказъ, очеркъ. М., 1898 г., ц. 15 к. Съ картинкой на обложкѣ.

М. Н. Пр. допущено въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя бібліотеки и читальни и для публичныхъ народн. чтеній.

Ея же. Церковно славянскій словарь. Для толковаго чтенія **Св. Евангелій, Псалтыря и Часослова.** С.-Пб., 1897 г., ц. 10 к.

Бурдонъ и Михельсонъ.

ПОЛНЫЙ СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ

вошедшихъ въ употреблеше въ русскомъ языкѣ,
съ означеніемъ ихъ корней.

Изданіе девятое исправленное и дополненное

В. Кошаровымъ.

М. 1899 г. Ц. 60 к., въ пер. 86 н.

Предпринимая изданіе настоящаго словаря, я имѣлъ цѣлю дать возможность каждому приобрести полезную книгу по самой общедоступной цѣнѣ. По своей полнотѣ этотъ словарь имѣетъ большое преимущество передъ другими изданіями того-же рода: въ немъ помѣщено около 20,000 словъ, тогда какъ этотъ-же словарь (Михельсона и Бурдона, цѣна 4 р.) въ прежнихъ изданіяхъ, хотя и былъ озаглавленъ: „150000 иностранныхъ словъ“, однако содержалъ въ себѣ всего 22—23 тысячи словъ, въ томъ числѣ массу лишнихъ, какъ-то: переводъ еврейскихъ и другихъ собственныхъ именъ, спеціальныхъ латинскихъ названій различныхъ болѣзней, медицинскихъ и другихъ терминовъ и т. д., которые изъятъ при исправленіи. Словарь же Дубровскаго (цѣна 1 р.) содержитъ въ себѣ всего 15—16 тысячъ словъ. Источниками при исправленіи и дополненіи словаря служили: Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, словарь Граната и другія не менѣе извѣстныя изданія. Кромѣ того я приложилъ всѣ старанія, чтобы дать книгѣ изящную внѣшность: словарь отпечатанъ на хорошей бумагѣ и содержитъ въ себѣ 476 стр. убористой, отчетливой печати въ два столбца. Насколько я достигъ своей цѣли—предоставляю судить читателю (публикѣ).

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

съ приложеніемъ портрета автора, его біографіи, написанной П. А. Плетневымъ, примѣчаній, составленныхъ по В. Ѳ. Кеневичу, и пяти этюдовъ о басняхъ Крылова П. Смирновскаго. 332 страницы, 1897 года. Цѣна 1 руб.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы въ качествѣ пособія при изученіи басенъ Крылова въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для ученическихъ бібліотекъ этихъ заведеній, а также для учительскихъ бібліотекъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читателей.

Оглавленіе: Біографія Крылова (написанная П. А. Плетневымъ). Очеркъ дѣятельности Крылова до 1808 г. (П. Смирновскаго). Басни Крылова. Примѣчанія къ баснямъ (по В. Ѳ. Кеневичу). Объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ басняхъ Крылова (П. Смирновскаго). Имена и образы, заимствованные изъ классической древности (П. Смирновскаго). Степень оригинальности басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Историческое и общечеловѣческое значеніе басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Народность басенъ Крылова (П. С.). Художественность басенъ Крылова (П. С.). Алфавитный списокъ басенъ Крылова съ указаніемъ страницъ.

Томе, удешевленное изданіе для школъ и народа съ 75-ю гравированными рисунками, съ портретомъ автора и его біографіей. М. 1898 г., изд. 2-е, цѣна въ бумаж. 15 ш., въ пацкѣ 20 ш. и въ холкѣ 35 ш.

Цѣна 10 коп.